

Глава 24

От дома до города было несколько десятков километров, и весь этот путь Тао Цинъюй гнал себя, точно вьючный скот. Он не смел остановиться ни на мгновение. В голове гудела тяжелая пустота, в которой пульсировала лишь одна мысль: скорее доставить серебро.

Добравшись до уезда, он бросился напрямик к лечебнице семьи Чжоу.

Его младший папочка, Фан У, сидел на скамье снаружи, словно изваяние. Цинъюй медленно подошел и опустился перед ним на корточки.

— Младший папочка... — голос юноши охрип, когда он увидел забинтованную руку младшего папочки.

Остекленевшие глаза У-гээр механически повернулись. Спустя долгую паузу он осторожно коснулся лица сына, и крупные слезы, против воли, одна за другой покатались по его щекам.

— Младший папочка, — Цинъюй крепко сжал его ладонь.

Силы оставили юношу, и он осел на пол, больно ударившись коленями о доски. Его голос звучал едва слышно:

— Что с отцом?

— Я не знаю... Юй-гээр, а вдруг... вдруг твой отец...

Цинъюй порывисто обнял его.

— Не будет никаких «вдруг». С ним всё обязательно будет хорошо.

Он говорил это уверенно, но в глубине души его самого сковывал ледяной ужас. Слезы запоздало обожгли глаза, но он тут же смахнул их, боясь еще больше расстроить отца.

— Всё обойдется, вот увидишь.

Отец и сын долго сидели так, застыв в объятиях. Фан У, обессиленный от слез, привалился к плечу сына и снова замер, невидящим взором уставившись на закрытые двери.

Спустя вечность раздался негромкий звук открываемой двери. Оба мгновенно вскинули головы.

Первым вышел Чжоу Линъи. Заметив Цинъюя, он выдавил горькую усмешку:

— Жизнь мы сохранили.

Цинъюй попытался улыбнуться в ответ, но его лицо словно окаменело.

— А дальше?..

Он изо всех сил поддерживал младшего папочку, будто этим жестом пытался удержать и самого себя. Его широко раскрытые глаза с отчаянной надеждой впились в лицо лекаря. Юноша напоминал утопающего, судорожно ухватившегося за последнюю соломинку: он ждал, что слова Чжоу Линъи станут хоть немного легче, хоть чуточку утешительнее...

— Раненый в очень тяжелом состоянии. Вам стоит подготовиться к тому, что он может больше никогда не прийти в себя.

— О-о-ох! Сянгун!.. — Фан У мгновенно сорвался в рыдания.

Цинъюй пошатнулся, до боли в пальцах вцепившись в Фан У. В его взгляде читалось полное неверие.

— Как же так? Он ведь всегда был таким сильным, таким крепким...

— Вы привезли его вовремя, — подал голос Чжоу Цихун, дед Линъи. — То, что он вообще выжил — уже очень хорошо.

Плечи Фан У мелко задрожали. Разум отказывался принимать действительность. Еще позавчера они обсуждали, что сын скоро выйдет замуж и как им будет его не хватать, а теперь муж лежит на кровати, тихий и неподвижный. Утром, уходя, он был полон жизни, а теперь не желает сказать ему ни слова.

Ведь всё... всё же было хорошо!

Цепляясь за крохи надежды, Цинъюй сбивчиво спросил:

— Но ведь шанс есть... Он может очнуться?

— Шанс есть, но надежда призрачна.

— Сейчас его нельзя перевозить, так что пусть остается в лечебнице. Подготовьте всё необходимое — кто-то из вас должен постоянно быть здесь и ухаживать за ним.

Договорив, Чжоу Линъи тоже помрачнел. Беда пришла в семью будущего тестя, и теперь неизвестно, на сколько придется отложить свадьбу его друга.

Ян Цюэ, пристроив повозку, поспешил к ним. Услышав о состоянии Тао Синъюна, он промолчал. Подойдя, он мягко отстранил Цинъюя, чтобы самому утешить Фан У.

Юноша же отправился оплачивать лечение.

Принесенные деньги разлетелись в один миг. Цинъюй до боли стиснул челюсти, замерев у конторки.

— Хозяин Сяо Юй, готово.

— Как только отвары приготовят, заберите их и постарайтесь напоить больного.

— Хорошо, — отрешенно отозвался Цинъюй.

В голове стоял туман, сильное потрясение мешало здраво рассуждать. Когда он наконец пришел в себя, на улице уже начали сгущаться сумерки. Фан У ушел в палату и сидел у кровати мужа.

— Дядя Ян, берите повозку старосты и возвращайтесь в деревню. Я останусь здесь.

— А как же дом?..

— Бабушке и дедушке не говорите всей правды. Скажите... скажите, что он сильно разбил голову, потерял много крови, но опасности нет. Передайте слова лекаря: нужно полежать несколько дней, прежде чем возвращаться.

Стоявшая неподалеку женщина, пришедшая за снадобьем от змей, невольно замедлила шаг. Ее глаза хитро блеснули. Улучив момент, она шмыгнула в сторону и поспешно покинула лечебницу.

Ян Цюэ лишь тяжело вздохнул и кивнул:

— Сегодня перекусите чем-нибудь здесь, а завтра я привезу домашней еды.

— Спасибо, дядя. Простите за хлопоты, — Цинъюй попытался изобразить подобие улыбки, но вышло жалко.

У Ян Цюэ защемило сердце при виде этой картины.

— Мы одна семья, не говори таких слов.

Когда дядя Ян ушел, в лечебнице всё еще было многолюдно. Цинъюй следил за лекарством, ожидая, когда оно будет готово. Вернувшись в палату, он увидел, что младший папочка смотрит на мужа, а слезы продолжают капать.

В памяти Цинъюя отец-гээр всегда был нежным и улыбочивым, а порой — суровым и решительным. Он никогда не видел его таким. У юноши защипало в глазах.

Взгляд упал на лежащего на кровати Тао Синъюна. Тот был бледным, и сердце Цинъюя словно сдавило тисками, мешая дышать. Он поспешно отвернулся, пытаясь успокоиться, чтобы поддержать младшего папочку.

— Не плачь, папочка. Отец расстроится.

Фан У шмыгнул носом, и его плечи снова затряслись. Цинъюй отставил чашу с отваром и крепко обнял его.

— Лекарь сказал, что он может прийти в себя. Отец ни за что не оставит тебя одного, он не захочет всю жизнь лежать, мы должны верить в него.

— Не плачь, хорошо? — голос юноши дрогнул.

Комок в горле мешал говорить, и он плотно сжал губы, пряча собственную горечь.

— Хорошо, не буду...

— Не буду...

***

Деревня Баоцюань. Семья Тао.

Ян Цюэ вернул повозку в семью Цинь и поспешил домой. Его муж, Тао Синван, сидел под навесом, а в главной комнате замерли старики. Они сидели неподвижно, то и дело поглядывая на ворота. Завидев его, они тут же выбежали навстречу.

— Как он?!

— Всё обойдется. Крови потерял много, сознание не сразу вернулось, но лекарь говорит — поправится. Только полежать ему придется подольше.

— Слава богам, слава богам... — старуха пошатнулась, и Сун Хуань едва успела подхватить её.

— А где второй брат? — спросил Ян Цюэ у Тао Синвана.

— Ногу повредил. Кость вправили, теперь нужен покой, — глухо отозвался муж.

Сначала он привез старшего брата, а когда вернулся за вторым, обнаружил, что и тот ранен. К счастью, травма оказалась не такой тяжелой, и местный охотник помог ему добраться до дома.

— Тогда почему ужин еще не готов? Чего вы все ждете, голодом семью морить решили? — Ян Цюэ поспешил на кухню.

Сун Хуань помогла старикам вернуться в дом.

— Вы не волнуйтесь, завтра я сама съезжу в город, проведу их. Ведь всё из-за нашего третьего...

— Не смей так говорить. То, что братья друг за друга горой — это благословение.

— Я понимаю.

Сун Хуань боялась, что старики начнут накручивать себя, поэтому позвала младших внуков, чтобы те посидели с ними, а сама ушла на кухню. Она взглянула на Ян Цюэ и сразу поняла — он солгал.

— На самом деле... что там?

Ян Цюэ лишь едва заметно покачал головой.

У Сун Хуань задрожали руки. Она принялась испуганно мерить шагами кухню, бормоча под нос:

— Это всё Синван... зачем он полез на рожон?

— Хватит об этом. Завтра сама всё увидишь.

Сун Хуань судорожно сжала пальцы.

— Деньги... Денег хватит?

Ян Цюэ вздохнул:

— В доме почти ничего не осталось. Те крохи, что у тебя есть, побереги на хозяйство.

Сун Хуань понуро кивнула.

Этот день выдался невыносимо долгим. До самой ночи никто в доме так и не смог сомкнуть глаз.

***

На следующее утро.

Лица домочадцев были серыми от недосыпа. Кое-как закончив с завтраком, Сун Хуань собралась в город, Тао Синлун решил ехать с ней.

Стоило им выйти во двор, как они увидели соседку.

Цинь Лихуа с притворным сочувствием стояла у своего забора:

— Ох, неужто к Тао Далану собрались? Вот ведь беда неожиданная... Еще вчера такой человек был, и надо же такому случиться...

Ян Цюэ сразу почуял неладное и бросился к ней.

— Не смей! — прошипел он, стараясь не кричать.

Заметив угрозу, Цинь Лихуа отбежала подальше и заголосила:

— Хороший был мужик, и как только лекарь мог сказать, что он теперь до конца дней парализованным будет!

— Цинь Лихуа, я тебя придушу! — Ян Цюэ был вне себя от ярости.

— А что, и правду сказать нельзя?! Тао Синъюн парализован, его жизнь разрушена! Он теперь обуза!

— Обуза!

Дверь её дома с грохотом захлопнулась.

И тут же из дома семьи Тао раздался страшный шум.

— Старик!

— Дедушка!!!

Слезы брызнули из глаз Ян Цюэ:

— Цинь Лихуа, я убью тебя!

«Где тонко, там и рвется! Почему беды всегда валятся одна за другой?! Сил больше нет! Боги, за что семье Тао такие муки?! Как им теперь выживать...»

— О-о-ох... — Ян Цюэ, крепившийся весь вчерашний день, не выдержал и разрыдался.

Все в доме застыли в оцепенении, но медлить было нельзя.

Сун Хуань, вцепившись в изгородь, выкрикнула:

— Повозку! Скорее, нужно найти повозку!

Слыша за стеной детский плач и проклятия, Цинь Лихуа, прятаясь в доме, злорадно усмехнулась.

«Ха-ха-ха! Так вам и надо! По заслугам! Будете знать, как руку на меня поднимать! Получили свое? Как же мне отрадно на душе! Ха-ха!»

Спешный приезд стариков в лечебницу переполошил Цинъюя и Фан У, которые только-только забылись тревожным сном.

— Что случилось?

Цинъюй заметил, как за Ян Цюэ закрылась дверь. Он подхватил дядю под локоть; глаза того были красными.

— Про твоего отца пронюхала та дрянь по соседству и раззвонила на всю деревню. Скрыть не вышло, дедушка с бабушкой всё узнали.

Для пожилых людей нет ничего опаснее потрясения и падений. На них обрушилось и то, и другое. К счастью, Сун Хуань велела детям не отходить от них, и когда старик начал падать, Тао Цинцзя успел его подхватить.

Циньюй замер. А потом глухо проговорил:

— Всё хорошо, всё хорошо...

Кроме этих слов, он не знал, что еще сказать. Охваченный отчаянием, он опустился на корточки в углу, обхватив голову руками.

Спустя какое-то время послышались шаги, и кто-то осторожно коснулся его плеча. Циньюй не шелохнулся. Он ждал, и лишь когда услышал, что со стариками всё в порядке, силы окончательно покинули его, и он начал заваливаться назад.

Чья-то сильная рука подхватила его. Циньюй повернул голову и увидел того, кого никак не ожидал встретить здесь.

— Фан Вэньли.

— Я здесь, — Вэньли медленно убрал руку.

Циньюй отвернулся, прохрипев:

— Спасибо.

— Не за что.

Фан Вэньли не ушел, оставшись стоять рядом.

Удары судьбы следовали один за другим. Циньюй уперся ладонями в пол и просто сел, привалившись к стене. Он не двигался — просто смотрел в одну точку остекленевшим взглядом.

Глаза, прежде всегда живые, погасли. Всего за один день он осунулся и побледнел.

«Никакое будущее мне больше не нужно. Ни деньги, ни свадьба — ничего... Только бы отец открыл глаза, я на всё соглашусь. Лишь бы он очнулся...»

От этих мыслей Циньюй сжался в комок, уткнувшись лицом в колени. Его спина казалась такой тонкой и хрупкой. Он сдерживал горе, лишь его плечи мелко дрожали, но он не издал ни

звука.

Взгляд Вэньли потемнел. Он невольно потянулся к юноше, но, помня о репутации гээра, заставил себя остановиться. На его руках вздулись вены, кулаки сжались. Каким бы проницательным он ни был, сейчас он не мог найти слов, чтобы утешить его.

— Сяо Юй! — в лечебницу ворвался запыхавшийся человек.

Цинь Чжу бросился к другу. Увидев Цинъюя в таком состоянии, он не смог сдержать слез. Его Юй-гээр никогда не был таким беззащитным. Мазнув взглядом по Фан Вэньли, он опустился на пол с другой стороны и сгреб друга в охапку.

— Сяо Юй!

Плечи Цинъюя вздрогнули.

— А Чжу.

— Да, это я, я здесь, — А Чжу гладил его по спине, заливаясь слезами.

Цинъюй наконец сдался и уткнулся лицом в плечо друга. Сдерживаемое горе вырвалось наружу. Глухие, надрывные рыдания сотрясали его тело — казалось, само его сердце разрывается на куски.

Цинь Чжу завыл в голос, еще крепче прижимая его к себе.

Чжоу Линъи лишь печально покачал головой. Он принес два табурета, а затем, ухватив за рукав Фана Вэньли, который застыл как каменное изваяние, силой утащил его в сторону.

Встретившись с ледяным взглядом друга, Линъи негромко пояснил:

— Сейчас ему нужно выплакаться. Так будет лучше.

Молодой человек медленно отвел взор.

Он продолжал смотреть на сжавшуюся фигурку юноши. Видел, как дрожат его плечи, как сгорблена тонкая спина, как побелели пальцы, которыми тот цеплялся за Цинь Чжу... Внешне Вэньли оставался бесстрастным, но взгляд его стал таким тяжелым и темным, словно в нем застыла тушь.

«Это я, и только я должен сейчас прижимать его к сердцу».

<http://bllate.org/book/15858/1442667>